Поиски и находки

■

Б. П. ПОЛЕВОЙ (Ленинград)

Миклухо-Маклай в Чили

■

В этом году исполняется 100 лет со дня смерти русского путешественника и ученого Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Читателям журнала, наверное, небезынтересно будет узнать об одном малоизвестном эпизоде из его жизни, связанном с Латинской Америкой.

27 октября 1870 г. Миклухо-Маклай на корвете «Витязь» отправился из Кронштадта в свое знаменитое плавание к берегам Новой Гвинеи. Пока шли от Копенгагена до Лондона, ученый, по договоренности с капитаном, посетил несколько городов Западной Европы: Берлин, Йену, Мюнхен, Брюссель, Антверпен, Гаагу, Остенде и Лондон. Именно в это время он узнал, что в Чили с о-ва Пасхи были доставлены загадочные письмена и рисунки необыкновенных статуй. Тогда-то у Миклухо-Маклая и зародилось желание самому побывать в этой стране и лично ознакомиться с результатами работ научной экспедиции на о. Пасхи. Помог случай: из-за угрозы военного конфликта с Англией корвет вместо плавания вокруг Африки направился от ее западного берега прямо к Южной Америке. При проходе через Магелланов пролив русские моряки впервые встретились с чилийцами в Пунта-Аренасе [1], откуда Миклухо-Маклай совершил ряд поездок в глубь страны. Известно, что какое-то время его сопровождал в качестве проводника один чилиец [2]. Но если история исследований в Магеллановом проливе достаточно хорошо известна благодаря публикациям самого ученого [3], то о его пребывании в Чили до сих пор мало что знали.

В небольшом письме, отправленном 13 мая 1871 г. из Вальпарансо ученому секретарю Русского географического общества Ф. Р. Остен-Сакену, Миклухо-Маклай сообщил, что он «совершил несколько экскурсий по Чили» и обещал поделиться своими впечатлениями об этих поездках: «Результаты более интересных наблюдений предполагаю сообщить Географическому обществу в следующем письме» [4]. Но этого обещания так и не выполнил: помешала тяжелая болезнь (лихорадка). Казалось, что пробел в биографии знаменитого русского ученого и путешественника так и не будет никогда заполнен... Однако буквально по-

---

[1] Миклухо-Маклай называл Пунта-Аренас «английской колонией» (Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., М.-Л., 1950, т. I, с. 21), а доктор Кролевецкий, плывший с ним на том же корвете «Витязь», отмечал, что в Пунта-Аренасе «пока только 400—500 жителей и 30 солдат; он населен исключительно чилийцами...» (см. «Медицинское прибавление к Морскому сборнику», С.-Петербург, 1878, вып. 17, с. 178).

[2] Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. I, с. 27.

[3] Там же, с. 21—44.

[4] Там же, т. IV, с. 68.

Поиски и находки

Б. П. ПОЛЕВОЙ (Ленинград)

Миклухо-Маклай в Чили

В этом году исполняется 100 лет со дня смерти русского путешественника и ученого Николая Николаевича Миклухо-Маклая. ЧитатеЛям журнала, наверное, небезынтересно будет- узнать об одном малоизвестном эпизоде из его жизни, связанном с Латинской Америкой.

27 октября 1870 г. Миклухо-Маклай на корвете «Витязь» отправился из Кронштадта в свое знаменитое плавание к берегам Новой Гвиней. Пока шли от Копенгагена до Лондона, ученый, по договоренности с капитаном, посетил несколько городов Западной Европы: Берлин, Иену, Мюнхен, Брюссель, Антверпен, Гаагу, Остенде и Лондон. Именно в это время он узнал, что в Чили с о-ва Пасхи были доставлены загадочные письмена и рисунки необыкновенных статуй. Тогда-то у Миклухо-Маклая и зародилось желание самому побывать в этой стране и лично ознакомиться с результатами работ научной экспедиции на О. Пасхи. Помог случай: из-за угрозы военного конфликта с Англией корвет вместо плавания вокруг Африки направился от ее западного берега прямо к Южной Америке. При проходе через Магелланов пролив русские моряки впервые встретились с чилийцами в Пунта-Аренасе 1, откуда Миклухо-Маклай совершил ряд поездок в глубь страны. Известно, что какое-то время его сопровождал в качестве проводника один чилиец 2. Но если история исследований в Магеллановом проливе достаточно хорошо известна благодаря публикациям самого ученого з, то оего пребывании в Чили до сих пор мало что знали.

в небольшом письме, отправленном 13 мая 1871 г. из Вальпараисо ученому секретарю Русского географического общества Ф. Р. Остен-Сакену, Миклухо-Маклай сообщил, что он «совершил несколько экскурсий по Чили» и обещал поделиться своими впечатлениями об этих поездках: «Результаты более интересных наблюдений предполагаю сообщить Географическому обществу в следующем письме» 4. Но этого обещания так и не выполнил: помешала тяжелая болезнь (лихорадка). Казалось, что пробел в биографии знаменитого русского ученого и путешественника так и не будет никогда заполнен... Однако буквально по

1 Миклухо-Маклай называл Пунта-Аренас «английской колонией» (Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., М.-Л., 1950, т. I, с. 21), а доктор Кролевецкий, плывший с ним на том же корвете «Витязь», отмечал, что в Пунта-Аренасе «пока только 400—500 жителей и 30 солдат; он населен исключительно чилийцами...» (см. «Медицинское прибавление к Морскому сборнику», С.-Петербург, 1878, вып. 17, с. 178).

2 Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. I, с. 27. з Там же, с. 21–44.

4 Там же, т. IV, с. 68. 134

кунцам удалось собрать некоторые сведения по интересующему нас вопросу в различных архивах Ленинграда: в архиве Географического общества СССР (АГО СССР), в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (ЛО ААН СССР) и в Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ).

Знакомство со страной Миклухо-Маклай начал с порта Консепсьон. Еще при подходе к берегу, используя полученный в Англии лаплинь, он произвел при содействии моряков измерение температуры воды на различных глубинах. Оказавшись на суше, Миклухо-Маклай сосредоточил свое внимание на изучении антропологических типов местных жителей – араукапов и сделал несколько их портретов [5]. Заинтересовавшись языком этих аборигенов континента, от какого-то испанца смог получить список наиболее употребительных араукапских слов [6].

Миклухо-Маклай пытался также добыть сведения и по истории Консепсьона. В одном из писем он упоминает, что в прошлом этот город именовался испанцами Пенко [7]. В его бумагах сохранился небольшой набросок плана бухты Консепсьона [8]. Отсюда Миклухо-Маклай совершил короткую поездку на р. Био-Био [9]. В пути он сделал несколько зарисовок. Так, в записной книжке, носившей название «Америка № 2», появились довольно любопытные рисунки араукапских жилищ [10].

Затем Миклухо-Маклай побывал в порту Талькауано (в его транскрипции: «Талькахуано») [11], здесь он продолжал знакомиться с бытом араукапов, зарисовал серьгу, фигурную булавку и лодку – с указанием размеров наиболее распространенного в этой местности типа, недалеко от города увидел «шале старого индейца», изображение которого осталось в упомянутой записной книжке [12]. У начальника местной тюрьмы Миклухо-Маклай купил большую коллекцию фотографий «всех содержимых арестантов, к ним список с соответствующими с картами нумерами и описанием преступления и месторождения арестанта». Ученый объяснил морякам «Витязя», что по этим снимкам он предполагает «делать наблюдения над сложением форм головы». Командир корвета П. Н. Назимов отмечал, что «таких карт он получил около 200» [13]. Миклухо-Маклай был очень доволен своим приобретением и хочется верить, что коллекция не утрачена и ее еще удастся отыскать в архивах Советского Союза.

Любопытно сообщение Миклухо-Маклая о знакомстве с неким английским консулом 75 лет, который пытался построить в этом глухом месте «солнечную машину» с тем, чтобы с помощью зеркал плавить медную руду. Здешние жители считали англичанина чудаком, сумасшедшим. Миклухо-Маклай, хотя и не верил в успех его затеи, все же полагал, что опыты весьма интересны, и даже допускал, что «машина... будет огромной мощности» [14].

Очень полезной оказалась стоянка «Витязя» в порту Вальпарансо, продолжавшаяся месяц – с 21 апреля (3 мая) до 21 мая (2 июня) 1871 г. Здесь командир корвета ожидал письма с указанием дальнейшего маршрута – из-за обострения отношений с Великобританией было

---

[5] Некоторые из них были опубликованы в т. I его собрания. (с. 22–27).

[6] Этот список сохранился (ЛО ААН СССР, ф. 143, оп. I, д. № 5).

[7] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. IV, с. 66.

[8] Этот план также сохранился (ЛО ААН СССР, ф. 143, оп. I, д. № 60).

[9] См.: ЛО ААН СССР, ф. 143, оп. I, № 60.

[10] АГО СССР, 6, зап. книжка «Amerika № 2», л. 24 об.

крупицам удалос, Вопросу в различ общества СССР (АГо с демии наук СССР (ла

ам удалось собрать некоторые сведения по интересующему нас с в различных архивах Ленинграда: в архиве Географического . СССР (АГО СССР), в Ленинградском отделении Архива Ака

ук СССР (ЛО ААН СССР) и в Центральном государственном рхиве военно-морского флота (ЦГАВМФ).

"ракомство со страной Миклухо-Маклай начал спорта Консепсьон. , при подходе к берегу, используя полученный в Англии диплинь.

извел при содействии моряков измерение температуры воды на

ных глубинах. Оказавшись на суше, Миклухо-Маклай сосредотосвое внимание на изучении антропологических типов местных житой - арауканов и сделал несколько их портретов ". Заинтересовавс языком этих аборигенов континента, от какого-то испанца смог

пить список наиболее употребительных арауканских слов в. "Миклухо-Маклай пытался также добыть сведения и по истории Консепсьона. В одном из писем он упоминает, что в прошлом этот

рол именовался испанцами Пенко Т. В его бумагах сохранился небольтой набросок плана бухты Консепсьона 8. Отсюда Миклухо-Маклай совершил короткую поездку на р. Био-Био 9. В пути он сделал несколько зарисовок. Так, в записной книжке, носившей название «Америка No 2», появились довольно любопытные рисунки арауканских жилищ 10.

Затем Миклухо-Маклай побывал в порту Талькауано (в его транскрипции: «Талькахуано») 11, здесь он продолжал знакомиться с бытом арауканов, зарисовал серьгу, фигурную булавку и лодку — с указанием размеров наиболее распространенного в этой местности типа, недалеко от города увидел «шале старого индейца», изображение которого осталось в упомянутой записной книжке 12. У начальника местной тюрьмы Миклухо-Маклай купил большую коллекцию фотографий «всех содержимых арестантов, кним список с соответствующими скартами нумерами и описанием преступления и месторождения арестанта». Ученый объяснил морякам «Витязя», что по этим снимкам он предполагает «делать наблюдения над сложением форм головы». Командир корвета П. Н. Назимов отмечал, что «таких карт он получил около 200» 13. Миклухо-Маклай был очень доволен своим приобретением и хочется верить, что коллекция не утрачена и ее еще удастся отыскать в архивах Советского Союза.

Любопытно сообщение Миклухо-Маклая ознакомстве с неким английским консулом 75 лет, который пытался построить в этом глухом месте «солнечную машину» с тем, чтобы с помощью зеркал плавить медную руду. Здешние жители считали англичанина чудаком, сумасшедшим. Миклухо-Маклай, хотя и не верил в успех его затеи, все же полагал, что опыты весьма интересны, и даже допускал, что «машина... будет огромной мощности» 14.

Очень полезной оказалась стоянка «Витязя» в порту Вальпараисо, продолжавшаяся месяц — с 21 апреля (3 мая) до 21 мая (2 июня) 1871 г. Здесь командир корвета ожидал письма с указанием дальнейшето маршрута — из-за обострения отношений с Великобританией было

5 Некоторые из них были опубликованы в т. I его собрания. (с. 22-27).

в Этот список сохранился (ЛО ААН СССР, ф. 143, оп. 1, д. No 5). * Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. IV, с. 66.

8 Этот план также сохранился (ЛО ААН СССР, ф. 143, оп. I, д. No 60).

9 См.: ЛО ААН СССР, ф. 143, оп. 1, No 60. 10 АГО СССР, 6, зап. книжка «Amerika No 2», л. 24 об. 11 Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. IV, с. 67.

12 АГО СССР, ф. 6, зап. книжка «Amerika No 2», л. 23 об., л. 20 об., л. 24 об.

13 ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3207, л. 459, л. 458. 14 Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. IV, с. 67.

Рисунок из записной книжки

не ясно, разрешат ли зайти в Австралию или придется брать курс прямо на Новую Гвинею.

Миклухо-Маклай воспользовался случаем, чтобы несколько раз съездить в Сантьяго. Первым делом он направился в местный университет, где и познакомился с его ректором, знаменитым Игнасио Домейко, человеком необыкновенной судьбы.

В молодые годы, учась в университете Вильны (Вильнюса), он был ближайшим другом Адама Мицкевича. Участвовал в революционном движении, был арестован, совершил побег. Уехав в Западную Европу, познакомился там со многими революционерами. Получил хорошее образование в Париже и в конце 30-х годов перебрался в Чили, где стал одним из лучших специалистов по геологии Южной Америки. Многочисленные научные труды сделали Домейко всемирно известным ученым. Это, в конце концов, и привело его на почетный пост ректора Чилийского университета.

Домейко с большим радушием встретил Миклухо-Маклая и сразу же вызвался быть его гидом. По просьбе русского путешественника прежде всего они поехали туда, где хранились экспонаты с о. Пасхи, называвшемся на языке местных жителей «Рапа-Нуи». Сам Миклухо-Маклай писал об этом так: «На корвете «О'Гиггинс» были привезены разные предметы, которые отданы в Этнологический музей в Сант-Яго, где я имел случай и удовольствие их видеть. Кроме большого идола из черной лавы, в упомянутом музее находятся 4 барельефа: на двух из них изображены человеческие фигуры различного пола; одна сторона третьего плоского камня изображает большую человеческую физиономию, на четвертом барельефе было представлено несколько животных: рыба, рядом животное, похожее на кролика, высеченное около птицеподобного животного с клювом, без крыльев, с руками, имеющими пять пальцев. Кроме того, там находились сфинксообразная фигура с человеческим лицом и две также человеческие фигуры, соединенные спинами вместе и стоящие на коленях. Барельефы были сделаны из мягкого вулканического туфа, который легко обрабатывать.

Привезены были с Рапа-Нуи также небольшие деревянные идолы[15] (1/2–3/4 м. вышины), которые принадлежат к более поздней эпохе и, вероятно, вырезаны с помощью железных инструментов. Рассматривая

---

[15] Один из них хранится в ленинградском Музее антропологии и этнографии АН СССР. Подробно описан Н. А. Бутиновым в «Сборнике» музея (т. XVIII, с. 310–311). Анализ семантики дан И. К. Федоровой в книге «Пути развития Австралии и Океании» (1981, с. 271). Совсем недавно, весной 1988 г., старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР Т. К. Шафрановская обнаружила в старинной описи записку самого Н. Н. Миклухо-Маклая об этом подарке: «Деревян. идол с ост. Пасха, привез. чилийской экспед. на этот остров, подар.

Н

не ясно, разрешат ли зайти в стралию или придется брать к прямо на Новую Гвинею.

Миклухо-Маклай воспользовали случаем, чтобы несколько раз ст. дить в Сантьяго. Первым делом он направился вместный университет где и познакомился с его ректором

наменитым Игнасио Домейко, человеком необыкновенной судьбы.

В молодые годы, учась в университете Вильны (Вильнюса), он был ближайшим другом Адама Мицкевича. Участвовал в революционном Движении, был арестован, совершил побег. Уехав в Западную Европу. Познакомился там со многими ревоЛюционерами. Получил хорошее об. разование в Париже и в конце 30-х годов перебрался в Чили, где стал одним из лучших специалистов по геологии Южной Америки. Многочисленные научные труды сделали Домейко всемирно известным ученым. Это, в конце концов, и привело

его на почетный пост ректора Чилий Рисунок из записной книжки

ского университета.

Домейко с большим радушием встретил Миклухо-Маклая и сразу

же вызвался быть его гидом. По просьбе русского путешественника прежде всего они пошли туда, где хранились экспонаты с о. Пасхи, называвшемся на языке местных жителей «Рапа-Нуи». Сам Миклухо-Маклай писал об этом так: «На корвете «О'Гигинс» были привезены разные предметы, которые отданы в Этнологический музей в Сант-Яго, где я имел случай и удовольствие их видеть. Кроме большого идола из черной лавы, в упомянутом музее находятся 4 барельефа: на двух из них изображены человеческие фигуры различного пола; одна сторона третьего плоского камня изображает большую человеческую физиономию, на четвертом барельефе было представлено несколько животных: рыба, рядом животное, похожее на кролика, высеченное около птицеподобного животного склювом, без крыльев, с руками, имеющими пять пальцев. Кроме того, там находились сфинксообразная фигура с человеческим лицом и две также человеческие фигуры, соединенные спинами вместе истоящие на коленях. Барельефы были сделаны из мягкого вулканического туфа, который легко обрабатывать.

Привезены были с Рапа-Нуи также небольшие деревянные идолы 12 (1/2—3/4 м. вышины), которые принадлежат к более поздней эпохе и, вероятно, вырезаны с помощью железных инструментов. Рассматривая

15 Один из них хранится в ленинградском музее антропологии и этнографии АН СССР. Подробно описан Н. А. Бутиновым в «Сборнике» музея (т. XVIII, с. 310-311). Анализ семантики дан И. К. Федоровой в книге «Пути развития Австралии и Океании» (1981, с. 271). Совсем недавно, весной 1988 г., старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР Т. К. Шафрановская обнаружила в старинной описи записку самого Н. Н. Миклухо-Маклая об этом подарке: «Деревян. идол с ост, Пасха, привез, чилийской экспед. на этот остров, подар. мне г-ном кап. Raymundo Pradel в Valparaiso (2 подобных находятся в муз. во Santiago, другие у разных частных лиц в Valparaiso), а 1871, М.-Маклай».

эти барельефы и конвруя их, я пришел к убеждению, что они составляют промежуточное звено между большими древними идолами Рапа-Нуи и более новыми художественными произведениями на дерева, некоторые очень характеристические особенности и подробности отделки, также общий характер рисунка и выполнения привели меня к этой мысли. Так как привезенные «О'Гигинсом» древности составляют, по всей вероятности, частичку только того интересного материала, который сохранился еще на острове, то я уверен, что последующее изучение этих остатков полинезийского искусства подтвердит высказанную выше мысль.

Чилийская экспедиция привезла также с Рапа-Нуи две деревянные таблицы, покрытые строками иероглифов, которые в прошлом году произвели большой эффект в ученом мире, как первые письмена, найденные у островитян Тихого океана. Копию с этих деревянных таблиц я видел у Бастиана в Берлине в ноябре прошлого года, присланную ему Филиппи из Сант-Яго в Чили. Бастиан не сомневался в том, что тщательно вырезанные строки знаков были действительно письменами. Несколько недель спустя я увидел копии с тех же таблиц в Лондоне в заседании Этнографического общества. Гексли, показывавший мне их, очень сомневался, чтобы на этих досках было изображено что-нибудь шрифтообразное, а предполагал, что эти доски могли служить как штемпель при выделывании тапы; он думал также, что эти доски как-нибудь случайно принесены на о. Рапа-Нуи течениями. По сделанным на пропускной бумаге копиям я решился тогда прийти к какому-нибудь положительному суждению об этих загадочных таблицах. В музее в Сант-Яго я, наконец, увидел оригиналы копий, виденных в Европе, и, рассмотрев их, согласился с мнением Филиппи и Бастиана, что ряды значков действительно изображают письмена и что доски эти не назначались для выделки тапы. Сведения, которые я собрал впоследствии, подтвердили мое мнение»[16].

9 мая 1871 г. Миклухо-Маклаю удалось встретиться с чилийским ученым Рудольфо Амандо Филиппи, от которого мир впервые узнал о существовании рапануйского письма. В записной книжке Миклухо-Маклая сохранился заранее составленный список вопросов, которые он задавал Филиппи[17]. Очевидно, эта беседа окончательно убедила русского исследователя в ошибочности гипотезы Гексли. Наверное, тогда же Миклухо-Маклай скопировал некоторые рисунки знаменитых статуй и даже записал результаты обмера одной из них[18].

Как зоолог, Миклухо-Маклай заинтересовался хранившимся в одном из чилийских музеев чучелом акулы, знаменитой «чилийской торпеды», которую он тут же и нарисовал. Зарисовал он также и скульптурный портрет чилийской девочки Лудио Гибары[19].

Домейко познакомил Миклухо-Маклая и со своей богатейшей минералогической коллекцией. Именно под ее впечатлением Николай Николаевич настойчиво советовал брату Михаилу (в письме на имя матери) серьезно заняться геологией и особенно минералогией[20].

Именно Домейко уговорил Миклухо-Маклая совершить ряд экскурсий в глубь Чили, в частности в провинцию Аконкагуа, где они поднимались в горы. В записной книжке русского ученого сохранилось несколько карандашных плохо различимых картосхем этих маршрутов.

---

[16] Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. I, с. 51–52. Первое сообщение о находке рапануйских табличек с письменами А. Бастиан опубликовал в 1870 г. в «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin» (Bd. V, Heft 5, S. 469).

[17] АГО СССР, ф. 6, «Amerika № 2», л. 30.

эти барельефы и ляют промежуточное Нуи и более новым

делки, также обший этой мысли. Так ка

фольефы и копируя их, я пришел к убеждению, что они составромежуточное звено между большими древними идолами Рапа

* более новыми художественными произведениями из дерева; оторые очень характеристические особенности и подробности

также общий характер рисунка и выполнения привели меня к

сли. Так как привезенные «ОГигинсом» древности составляют, сей вероятности, частичку только того интересного материала, ко

й сохранился еще на острове, то я уверен, что последующее изу

не этих остатков полинезийского искусства подтвердит высказанную выше мысль.

Чилийская экспедиция привезла также с Рапа-Нуи две деревяне таблицы, покрытые строками иероглифов, которые в прошлом году оизвели большой эффект в ученом мире, как первые письмена, найпенные у островитян Тихого океана. Копию с этих деревянных таблиц

видел у Бастиана в Берлине в ноябре прошлого года, присланную ому Филиппи из Сант-Яго в Чили. Бастиан не сомневался в том, что тщательно вырезанные строки знаков были действительно письменами. Несколько недель спустя я увидел копии с тех же таблиц в Лондоне в заседании Этнографического общества. Гексли, показывавший мне их, очень сомневался, чтобы на этих досках было изображено что-нибудь шрифтообразное, а предполагал, что эти доски могли служить как Штемпель при выделывании тады; он думал также, что эти доски какнибудь случайно принесены на о. Рапа-Нуи течениями. По сделанным на пропускной бумаге копиям я решился тогда прийти к какому-нибудь положительному суждению об этих загадочных таблицах. В музее в Сант-Яго я, наконец, увидел оригиналы копий, виденных в Европе, и, рассмотрев их, согласился с мнением Филиппи и Бастиана, что ряды значков действительно изображают письмена и что доски эти не назначались для выделки тапЫ. Сведения, которые я собрал впоследствии, подтвердили мое мнение» 16.

9 мая 1871 г. Миклухо-Маклаю удалось встретиться с чилийским ученым Рудольфо Амандо Филиппи, от которого мир впервые узнал осуществовании рапануйского письма. В записной книжке МиклухоМаклая сохранился заранее составленный список вопросов, которые он задавал Филиппи 17. Очевидно, эта беседа окончательно убедила русского исследователя в ошибочности гипотезы Гексли. Наверное, тогда же Миклухо-Маклай скопировал некоторые рисунки знаменитых статуй и даже записал результаты обмера одной из них 18.

Как зоолог, Миклухо-Маклай заинтересовался хранившимся в одном из чилийских музеев чучелом акулы, знаменитой «чилийской торпеды», которую он тут же и нарисовал. Зарисовал он также и скульптурный портрет чилийской девочки Лудио Гибары 19.

Домейко познакомил Миклухо-Маклая и со своей богатейшей минералогической коллекцией. Именно под ее впечатлением Николай Николаевич настойчиво советовал брату Михаилу (в письме на имя матери) серьезно заняться геологией и особенно минералогией 20.

Именно Домейко уговорил Миклухо-Маклая совершить ряд экскурсий вглубь Чили, в частности в провинцию Аконкагуа, где они поднимались в горы. В записной книжке русского ученого сохранилось несколько карандашных плохо различимых картосхем этих маршрутов.

16 Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. I, с. 51-52. Первое сообщение о находке рапануйских табличек с письменами А. Бастиан опубликовал в 1870 г. в «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin» (Bd. V, Heft 5, S. 469).

17 АГО СССР, ф. 6, «Amerika No 2», л. 30. 18 Там же, л. 46 об. 19 Там же, л. 46.

20 Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. IV, с. 76. Михаил, для которого авторитет брата Николая был очень высок, внял этому совету и позже выбрал для себя профессию геолога.

«Моаипаапаа» («сухое резное изображение»), подарено Миклухо-Маклаю участником чилийской экспедиции 1869 г. на о. Пасхи

На одной из них — пояснение, сделанное рукой Миклухо-Маклая: «Zeich. v. Herr Domeiko» («рисовал господин Домейко») [21]. Вообще в течение всего путешествия Миклухо-Маклай делал много зарисовок. Некоторые из них (например, усадьбы Эмилио Вальдес Рекиноку) будут впервые опубликованы в готовящемся новом издании сочинений исследователя. Сам же он, видимо, предполагал в свое время как можно скорее опубликовать в России хотя бы часть своих рисунков. Уже из Вальпараисо Миклухо-Маклай отправил запрос Остен-Сакену: «Попрошу известить меня, принимаются ли в изданиях общества *рисунки* (както: типы более интересных рас, изображения разных интересных предметов, местностей и т. д.)» [22].

Домейко показывал Миклухо-Маклаю свои многочисленные печатные труды. Названия некоторых из них — в записной книжке русского ученого. Так, например, Миклухо-Маклая заинтересовала статья о ночном свечении в небе Сантьяго, опубликованная в трудах Чилийского университета (Don Ignacio Domeyko. La radiation noktirna bajo el cielo de Santiago.— Anales de la Universidad de Chile, 1870, t. XXXLV) [23].

Интересно отметить, что Домейко успел опубликовать два материала о пребывании Миклухо-Маклая в Чили. К сожалению, в существующих библиографических указателях сочинений чилийского ученого эти работы не упоминаются, однако, может быть, когда-нибудь их удастся разыскать и переиздать. Как известно, имя Игнасио Домейко помнят в Чили. В его честь названы поселок близ города Антофагасты, горный хребет и, наконец, городок на юге страны. В Чили неоднократно издавались книги о его жизни. Не раз публиковалась его

---

[21] АГО СССР, «Amerika № 2», л. 39.

[22] Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. IV, с. 68.

[23] АГО СССР, ф. 6, «Amerika № 2», л. 48 об.

На одной из них — пояснение, сделанное рукой Миклухо-Мак лая: «Zeich. v. Herr Domeiko» («рисовал господин Домейко») 21 Вообще в течение всего путешествия Миклухо-Маклай делал много зарисовок. Некоторые из них (например, усадьбы Эмилио Вальдес РекИноку) будут впервые опубликованы в готовящемся новом издании сочинений исследователя. Сам же он, видимо, предполагал в свое время как можно скорее опубликовать в России хотя бы часть своих рисунков. Уже из Вальпараисо Миклухо-Маклай отправил запрос Остен-Сакену: «Попрошу известить меня, принимаются ли в изданиях общества рисунки (както: типы более интересных рас, изображения разных интересных предметов, местностей и т. д.) » 22.

Домейко показывал Миклухо-Маклаю свои многочисленные печатные труды. Названия некоторых из них — в записной книжке русского ученого. Так, например, Миклухо-Маклая заинтересовала статья о ночном свечении в небе Сантьяго, опубликованная в трудах Чилийского университета (Don Ignacio Domeyko. La radiation nokturna bajo el cielo de Santiago.- Anales de la Universidad de Chile, 1870, t. XXXLV) 23.

Интересно отметить, что Домейко успел опубликовать два материала о пребывании Миклухо-Маклая в Чили. К сожалению, в существующих библиографических указателях сочинений чилийского ученого эти работы не упоминаются, однако, может быть, когда-нибудь их удастся разыскать и переиздать. Как известно, имя Игнасио Домейко помнят в Чили. В его честь названы поселок близ города Антофагасты, горный хребет и, наконец, городок на юге страны. В Чили неоднократно издавались Книги о его жизни. Не раз публиковалась его

21 АГО СССР, «Amerika No 2»,

л. 39.

«Моайпаапаа» («сухое резное изображение»), подарено Миклухо-Маклаю участником чилийской экспедиции 1869 г. на о. Пасхи

22 Н. Н. Миклухо - Маклай. Указ. соч., т. IV, с. 68.

23 АГО СССР, ф. 6, «Amerika No 2», л. 48 об.

биография в Польше. Печатались статьи о нем и в нашей стране [24]. Но пока нигде не упоминалось о том, что он подружился с Миклухо-Маклаем и даже писал о нем. Это тем более странно, что о самом факте знакомства только в наших отечественных изданиях говорилось дважды: в 1886 и 1939 г.[25]

Домейко познакомил Миклухо-Маклая с некоторыми видными чилийскими учеными, в частности со Д. Шнейдером и М. Писсисом. Возможно, остались их дневники или воспоминания, в которых могут оказаться пока еще неизвестные сведения о кратком пребывании Миклухо-Маклая в Чили.

12-летняя арауканка. Рисунок Миклухо-Маклая

На редкость доброжелательный и обаятельный, Миклухо-Маклай был и очень обязательным человеком. Об этом свидетельствует такой казалось бы незначительный факт. 14-летняя чилийская девочка по имени Эмма попросила Николая Николаевича помочь получить для ее коллекции русские почтовые марки. Выполняя эту просьбу, Миклухо-Маклай попросил своего друга А. А. Мещерского прислать девочке «штук 12 разных, по употребленных почтовых марок» по адресу «Вальпаранзо мистеру Miguel G. Cunich для Эммы» [26].

Последние дни в Чили были связаны с большой радостью: путешественник получил сразу несколько писем из Петербурга – от сестры, матери и друга (А. А. Мещерского). Перед отъездом, уже заболев лихорадкой, он успел ответить на них. С грустью писал, что Вальпараисо – последний порт, где можно получать письма из Европы, теперь придется ждать их по несколько лет. Знал, что проведет в южной части Тихого океана не один год.

По вахтенному журналу «Витязя» нам удалось установить, что 15 сентября 1871 г., прощаясь в Новой Гвинее в заливе Астролябии с командой корвета, Миклухо-Маклай отправил письмо в Берлин Адольфу Бастиану [27]. Может быть немецким ученым удастся найти это письмо? Поиск документов о пребывании Миклухо-Маклая в Чили продолжается.

---

[24] В. П. Грицкевич. Игнатий Домейко. Известия Всесоюзного географического общества, 1981, № 5, с. 447–451; его же. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии. Минск, 1968, с. 96–119.

[25] «Новости и Биржевая газета». С.-Петербург, 13.VI.1886, «Известия Государственного географического общества», 1939, вып. 1–2.

[26] Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. IV, с. 70.

[27] Отметка об этом сделана рукой лейтенанта В. Перелешина (ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 10022 в, л. 152).

биография в Польше. Печатались статьи о нем и в нашей стране 24 Но пока нигде не упоминалось о том, что он подружился с Миклухо-Маклаем и даже писал о нем. Это тем более странно, что о самом факте знакомства только в наших отечественных изданиях говорилось двады: в 1886 и 1939 г. 25

Домейко познакомил МиклухоМаклая с некоторыми видными чилийскими учеными, в частности со Д. Шнейдером и М. Писсисом. Возможно, остались их дневники или воспоминания, в которых могут оказаться пока еще неизвестные сведения ократком пребывании МиклухоМаклая в Чили.

На редкость доброжелательный и обаятельный, Миклухо-Маклай был и очень обязательным человеком. Об этом свидетельствует такой казалось бы незначительный факт. 14-летняя Чилийская девочка по имени Эмма попросила Николая Николаевича помочь получить для ее коллекции русские почтовые марки. Выполняя эту 12-летняя арауканка. Рисунок просьбу, Миклухо-Маклай попросил Миклухо-Маклая своего друга А. А. Мещерского прислать девочке «штук 12 разных, но употребленных почтовых марок» по адресу «Вальпараизо мистеру Miguel G. Cunich для Эммы» 26.

Последние дни в Чили были связаны с большой радостью: путешественник получил сразу несколько писем из Петербурга — от сестры, матери и друга (А. А. Мещерского). Перед отъездом, уже заболев лихорадкой, он успел ответить на них. Сгрустью писал, что Вальпараисо — последний порт, где можно получать письма из Европы, теперь придется ждать их по несколько лет. Знал, что проведет в южной части Тихого океана не один год.

По вахтенному журналу «Витязя» нам удалось установить, что 15 сентября 1871 г., прощаясь в Новой Гвинее в заливе Астролябии с командой корвета, Миклухо-Маклай отправил письмо в Берлин Адольфу Бастиану 27. Может быть немецким ученым удастся найти это письмо? Поиск документов о пребывании Миклухо-Маклая в Чили продолжается.

24 В. П. Грицкевич. Игнатий Домейко. Известия Всесоюзного географического общества, 1981, No 5, с. 447—451; его же. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии. Минск, 1968, с. 96–119.

25 «Новости и Биржевая газета». С.-Петербург, 13.VI.1886, «Известия Государственного географического общества», 1939, вып. 1-2.

26 Н. Н. Миклухо-Маклай. Указ. соч., т. IV, с. 70.

27 Отметка об этом сделана рукой лейтенанта В. Перелешина (ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 10022 в, л. 152).